

О ПОЖАРЕ МОСКВЫ 1812 ГОДА.

Автор выражает признательность Львову С.В. за помощь, оказанную в работе с архивными документами.

В последнее время у нас в стране, особенно в преддверии 200-летнего юбилея, вновь возрос интерес к войне 1812 года. Вводятся в оборот новые документы, дополняются новыми сведениями и переосмысливаются различные события той поры. Но наряду с этими отрадными явлениями отчётливо проявляются некоторые тенденции, которые, на наш взгляд, никак нельзя назвать положительными. Идёт беззастенчивое переписывание русской военной истории под предлогом приближения к истине. Когда была снята советская цензура и стало возможным писать не только в официально-штампованных рамках, появилась целая плеяда историков, которые поставили своей целью очистить историю войны 1812 года от мифов «эпохи застоя». Причём за эталон были взяты западные образцы понимания войны 1812 года, и предпочтение стали отдавать иностранным материалам и публикациям. Дело не ограничилось введением в оборот новых документов, что само по себе хорошо. Наметился явный крен в сторону пронаполеоновского восприятия войны 1812 года и навязывания этой точки зрения под видом найденной, наконец-то, истины. В итоге взвешенный подход на основе изучения материалов как с той, так и с другой стороны стал заменяться личными пристрастиями данного круга историков. Обычными стали искажения событий Отечественной войны 1812 года путём умалчивания документов с русской стороны, выборочного их использования в угоду своему видению, подачи зарубежных документов как наиболее объективных для изучения истории нашей страны. По сути одни мифы стали заменяться другими.

Чтобы не быть голословными, разберём это на конкретных примерах.

В 2002 году в Самаре вышла в свет книга А.И.Попова «Великая армия в России. Погоня за миражом». В книге есть глава, посвящённая пожару Москвы, в которой разбираются причины пожара и приводятся доказательства точки зрения автора в данном вопросе. Называется глава «Московский Герострат». Рассмотрим, какие причины называет А.И. Попов, какими источниками оперирует и какие делает выводы.

Главными виновниками-поджигателями названы... русские и, в первую очередь, военный губернатор Москвы – Ростопчин. В доказательство приводятся следующие документы и мнения:

1.Единодушное свидетельство и уверенность участников Великой армии в том, что столицу сожгли русские.

2.Тысячи преступников, выпущенных Ростопчиным перед отъездом из Москвы с заданием поджигать всё подряд.

3. Поимка и казнь поджигателей специально учрежденной комиссией. Найденные этой комиссией доказательства подготовки Ростопчиным сожжения Москвы .

4. Слова, сказанные или написанные Ростопчиным, прямо указывающие на него как на инициатора поджогов в столице.

5. Свидетельство Вороненко и Н.Ф.Нарышкиной.

6. Невыгодность пожара Москвы для французов.

7. Сожжённое имение Ростопчина как доказательство его причастности к сожжению Москвы.

На основе всего вышеприведенного Попов считает виновными в пожаре русских и в первую очередь губернатора Ростопчина и предлагает на этом поставить точку в обсуждении данного вопроса.

Постараемся подробно разобрать все вышеизложенные пункты, а заодно приведём и документы, сопутствующие этому событию (пожар Москвы), упущенные или искажённые А.И.Поповым по неизвестным нам причинам.

Итак, пункт первый.

Единодушное свидетельство и уверенность участников Великой армии в том, что столицу сожгли русские.

Сам по себе пункт сомнительный. Было бы странно, если бы представители Великой армии, вторгшейся в чужое государство, стали дружно упрекать себя в несчастьях войны, выпавших на долю населения этой страны, каяться в содеянном и посыпать голову пеплом. Чины русской армии не менее единодушно приписывали сожжение Москвы рукам французов. Однако это не означает, что вина той или иной стороны доказана. Перед нами лишь свидетельство отношения подавляющего большинства представителей Великой армии к событию, но не более того.

Тем более что в стане врагов имелись и другие мнения на этот счёт.

«Уверяют, что сами русские собрали в городе горючий материал, что побудило разсерженного этим императора отдать приказание о разграблении города; но все это, по всей вероятности, только сказки... Между тем, в нашем предместье мы поддерживаем строжайший порядок, почему все дома остались целы...»¹.

Говоря о «скифской тактике», не стоит описывать её как типичную черту, свойственную исключительно для русской армии. Вот выдержки из воспоминаний самих участников Великой армии.

«То, что первоначальные пожары были произведены нашими гранатами, это не подлежит сомнению; я упоминал также, что русские, отступая, подожгли магазины, и оттуда огонь распространился на другие кварталы города, но пожары, повторявшиеся с 18 по 23-е число, происходили, несомненно, от небрежности солдат Великой армии»².

«Дорогобуж, 27 августа... По всем направлениям видны горящие деревни, что подтверждает, что они покинуты своими жителями после

отступления русской армии, после чего, вследствие неосторожности или небрежности (иногда даже нарочно), зажигаются нашими солдатами»³.

Так же поступали войска французов и их союзников во время отступления. «Утром, 27-го октября, батальон наш выстроился перед монастырем и я, с 12-ю баварцами и 20-ю голландцами, отправился для уничтожения хлебопекарни и поджога военного склада, что и исполнил ... большинство нижних чинов были пьяны, напившись при разгроме и сожжении продовольственного склада, и большая случилась бы беда, если бы противник вздумал серьезно нас преследовать... Деревня Нарочь и мост с мельницею, согласно полученному приказанию, были сожжены, причем, к сожалению, во многих домах деревни находились раненые и больные и те из них, которые не успели или не могли уйти, погибли в огне. ...Попутные деревни и отдельные здания у дороги предавались сожжению...»⁴

Уходя из Москвы, французы также постарались уничтожить часть запасов и оставшиеся здания путём сжигания их. «Нельзя описать всех ужасов, произведенных в Москве французами, <..> Я от пожара пошел на пожар, и наконец, добрался до почтамта и живу в нем. Но 10-го октября пришел французский караул с повелением зажечь почтамт. Я накормил и напоил сих голодных пришлецов и заплатил с помощью наших собратий 205 рублей, за что остались несожженными, и тем спас до 60-ти семейств... 7-го октября был взорван Полевой двор и сожжен Симонов монастырь...»⁵. Не вполне удавшийся взрыв Кремля есть исключительно акт низкой мести завоевателя непокорившемуся русскому народу.

Нашими войсками сжигались, как правило, склады с припасами, которые не могли вывезти, казённые места с невывезенными архивами или города и селения загорались во время боя. Естественно, что от огня страдали и другие здания. Но сожжение Москвы никак не входило в планы русской армии и явилось для русских солдат и офицеров не менее неожиданным и ужасающим зрелищем чем для французов.

«Смятение москвитян было трогательно даже твердым душам воинов, испытавших ужасное Бородинское побоище пред тем за шесть дней. Сердца наши замирали от горести при виде злополучия обитателей древней столицы Отечества нашего... Да, други мои! Я видел, как Москва пылала и сокрушалась лютым роком войны!.. Тяжело мне и теперь еще вспомнить и досказать вам»⁶.

«При дальнейших отступлениях был несколько дней сряду виден русскими воинами столб густого дыма над оной, что происходило от беспрестанных пожаров в оной. Россияне ощущали какое-то уныние в это время; хотя Москва не составляла их целого Отечества, но была некогда столицею оною!.. французы мечтали, что Россия покорится, и спокойно смотрели на ужасное истребление оною города пожарами»⁷.

«На второй день после того, как мы покинули Москву, мы увидели громадные столбы дыма, а вслед за этим целое море огня. Москва пылала, объятая пламенем со всех сторон»⁸.

«Неприятель, пользуясь одною многочисленностию своею, 2 сентября вступил в Москву и обратил ее в пепел»⁹.

«А вскоре слышим: неприятель уже в Москве, Боже мой! Кто не мог чувствовать, что священную столицу и грудь прочих городов посетил француз. Вот наступила робость и у каждого уныние, жалость твердила о том в уме смертного! 3 сентября войска неприятельские показали свой успех по Москве»¹⁰.

«...мы своротили проселками на Подольск, где зарево пылающей Москвы продолжало освещать наше шествие... Пусть те, которые не были свидетелями столь убийственной для сердца Русскаго картины, перенесутся мыслию к этому времени, и тогда они постигнут, сколько потребно было иметь веры и твёрдости, чтобы переносить с бодрым духом испытания столь горькия и чувствительныя для сердца воина и Русскаго...»¹¹.

«...я в отчаянии, что оставляют Москву. Какой ужас!.. Я взбешен, но что же делать?.. Теперь я уверен, что все кончено...»¹².

«К вечеру отошли мы от Москвы до сел. Панки (15 верст) и увидели в городе пожар: это было только начало. Через ночь пожар усилился, и по утру, 3-го Сентября, уже большая часть горизонта над городом означилась пламенем: огненные волны восходили до небес, а черный густой дым, клубясь по небосклону, разстилался до нас. Тогда все мы невольно содрогнулись от удивления и ужаса...»¹³.

«...далеко огромные клубы уже чернели под небом Москвы...поднялся в рядах улан говор...

Слушая это и тому подобное, и я загрустил, вспомня о родных своих и родине, и подумал — да ведь все же равно, не сегодня, так завтра кадут. Не припомню, где и как эту ночь провели, но нельзя забыть ночей и перемены дирекции при море от земли до неба пылающей Москвы, этого страшнаго величия войны. Это было по 12 часов белаго и по 12 ч. краснаго дня в сутки...»¹⁴.

Здесь же, в подтверждение выгоды поджога Москвы русскими, Попов приводит мысли тех из мемуаристов Великой армии (поляки Сангушко, Колачковский), которые говорят о том, что запасы Москвы были уничтожены пожаром. Действительно, склады во время отступления сжигают с целью не дать ими воспользоваться неприятелю. Но в отношении Москвы это не вполне справедливо. Поскольку это не была заранее спланированная и подготовленная акция, в Москве и после пожара оставалось достаточно много разных запасов. Дадим слово самим завоевателям.

« В Москве были найдены огромные запасы провианта. Они были пощажены огнем, так как хранились в подвалах... Если б эти продукты были правильно поделены между различными частями армии, не было бы той ужасающей нужды, которая много содействовала разстройству французской армии. ...»¹⁵.

« Трудно себе представить чисто азиатскую роскошь, коей следы мы видели в Москве. Запасы, хранившиеся во дворцах и частных домах, превзошли все наши ожидания. Если бы в городе был порядок, то армии

хватило бы продовольствия на три месяца; но дисциплины более не существовало. Провиантские чиновники думали только о себе... Более третьей части города осталось нетронутым, и в ней было в изобилии все то, в чем мы нуждались...»¹⁶.

«Каждый день мы находили скрытые склады и погреба, в которых были спрятаны матер. одеяла, меха, и каждый покупал все, что ему казалось необходимым на зиму...»¹⁷.

«Наш полк и 2 легких батальона заняли церковь и лежащие рядом дома в предместье. В одном из этих домов я устроился очень удобно; у меня все есть... у нас имеется также и мясо, хлеб и вино, то нам ничего не остается желать большего...»¹⁸.

«Скоро удалось разыскать склады муки, мяса, соленой рыбы, масла, водки, вин и ликеров. Небольшое количество припасов раздали солдатам, а большую часть хотели сберечь, сложив в магазины, и эта излишняя предусмотрительность, которая иногда бывает одной отговоркой, впоследствии заставила сжечь или побросать в складах все эти запасы, которые бы оченьгодились и которых хватило бы на прокормление армии, если бы даже она осталась в Москве, более 6-ти месяцев.»¹⁹.

«Французская армия нашла здесь припасы, достаточные для нескольких кампаний, и ее продовольствие обеспечено на 6 месяцев»²⁰.

«В домах и подвалах сгоревших магазинов найдено было столько зерна и всяких съестных припасов, что всей армии хватило бы провианту и лошадям корму на целую зиму... Шуб и тулупов найдены огромные склады, так что перед выступлением мы снабдили весь наш полк полушубками... Для гвардейской кавалерии запасы фуража были сделаны на всю зиму...»²¹.

Теперь перейдем к следующему пункту.

Пункт второй.

Тысячи преступников, выпущены были Ростопчиным перед отъездом из Москвы с заданием поджигать всё подряд.

А.И.Попов приводит цитату из воспоминаний Гисе, где какие-то пленные русские офицеры говорят ему о трёх тысячах каторжниках, якобы выпущенных Ростопчиным для сожжения Москвы. Разговор происходит в конце сентября, в Дорогобуже. Приведя ещё ряд цитат о каторжниках-поджигателях, Попов не делает никаких комментариев, давая, таким образом, читателю понять, что именно так оно и было. Ряд мемуаристов со стороны французов, которые не были упомянуты в этом месте работы Попова (зачем? и так всем ясно, что каторжные спалили Москву), лично участвуют в поимке людей с факелами и так же везде называют их каторжниками. С взглядом французов и А.И.Попова на этот вопрос всё понятно. Теперь обратимся к документам.

а) Донесение смотрителя Временной Тюрьмы Вельтмана в Московскую Управу Благочиния, 28 августа 1813 года.

(Из реестра видно, что в Губернском Замке и во Временной Тюреме содержалось 173 человека, в том числе 26 женщин...²²)

б) Отношение Московской Управы Благочиния в 1-й департамент Московского Надворного Суда, 6 июня 1813 года.²³

Копия с дела об отправлении в Рязань колодников и арестантов из московского тюремного замка, 1812 года.

Отношение моск. гражд. губернатора Обрескова моск. обер-полицейм. Ивашкину, 1 сентября 1812 года.

Вследствие предписания Г.Главнокомандующаго в Москве о препровождении надлежащим порядком в Рязань за присмотром содержащихся в здешнем Тюремном Замке криминальных колодников, состоящих по здешним присутственным местам и за тяжкия преступления подпавших суду, губернский уголовных дел стряпчий рапортует мне, что по Замку содержатся за исключением по ордонанской части 529-ть, по части уголовной, следственной пересыльных и по секрету, в числе коих больных 80 человек, да во Временной Тюреме состоит по уголовной части пересыльных секретных и по долгам содержащихся 166 человек...²⁴

Рапорт смотрителя тюремного замка Иванова Ивашкину (московскому обер-полицмейстеру – авт.), 13 сентября 1812 года.

Имею честь Вашему Превосходительству донести... 2 числа, в понедельник... утра в 11-м приехал к Замку плац-адъютант майор Кушнерев, объявил мне приказание сдать колодников, сколько их есть, имеющему придти полку. Который в скорости и приблизился, и я, сдав в оный, под росписку подпоручика Анисимова, счётом всего 627 человек, арестантов и колодников, за коими последовал и весь бывший в Замке караул...²⁵

Журнал исходящих бумаг канцелярии моск. генерал-губернатора Ростопчина.

Сентябрь 1812 года.

№ 520.4. Его Светлости Князю Голенищеву Кутузову.

Бывшему Московскому Гарнизонному полку приказано было всех арестантов находившихся в разных местах, присланных в Москву из губернских и прочих городов выпроводить из бывшей столицы, которые оным полком и выпровождены²⁶.

Из письма графа Ф. Ростопчина неизвестному (Вязиминтову?), 30 октября из Москвы (л.28): «...Наполеону весьма хотелось оправдать себя в пожаре и ...что город сожжен от выпущенных из острога преступников по моему приказанию. Сие показание разгневавшего на меня царя французского, опровергается тем, что за сутки до вступления французов,

подсудимые как Московской, так и присланные из занятых неприятелем губерний преступники и колодники, отправлены под караулом в числе 620 в Нижний – Новгород, где они и теперь в остроге содержатся...»²⁷.

Как видно из документов, ни о каких тысячах колодников в Москве речи изначально не шло. Во Временной Тюремной числилось на 2 сентября 1812 года порядка 173 человек (максимально возможное число). Из них 44 человека (если дополнить реестр Временной Тюремной рапортом смотрителя Тюремного Замка Иванова) содержалось в Тюремном Замке. Обресковым было выпущено из Временной Тюремной около 130 человек, не совершавших никаких тяжких преступлений и державшихся под стражей в основном за долги. Из Тюремного Замка, видимо из числа содержащихся там арестантов Временной Тюремной, было выпущено ещё 4 человека. Те несколько сот, которые содержались в Московском Тюремном Замке, были этапированны из города ещё до вступления неприятеля. Не было и никаких душещипательных сцен с приездом самого Ростопчина, речи его к колодником и вручением факелов и др. зажигательных веществ, которые так любили живописать французы и верившие им на слово историки.

Таким образом, основной контингент «поджигателей», который называют французы и о котором говорит А.И.Попов, отсутствовал в Москве на тот момент.

Следующей категорией лиц, которых упоминают в связи с пожаром, являются чины московской полиции. Говорится о многих московских полицейских офицерах, которые остались в Москве переодетыми и занимались сожжением города.

Маловероятно, чтобы Ростопчин, даже если бы захотел сжечь всю Москву, смог использовать для этого большое количество офицеров московской полиции. Ещё до того, когда стало окончательно ясно, что Москва будет оставлена, на плечи полиции было возложено множество важных и неотложных задач. Кроме поддержания порядка в городе и массы текущей работы, чины полиции должны были помогать при прохождении и размещении рекрутских партий, воинских частей, артиллерийских парков; должны были сопровождать высылаемых из города подозрительных лиц (а таковых набиралось несколько десятков) до места их назначения, должны были поддерживать порядок при эвакуации из Москвы различных казённых учреждений и при создании многочисленных складов для нужд армии и ополчения и многое-многое другое. После совета в Филях Кутузов затребовал у Ростопчина как можно большее количество полицейских офицеров для более упорядоченного прохода армии через город.

«1 сентября 1812. Фили

Милостивый государь мой граф Федор Васильевич!

...покорно прошу Ваше Сиятельство прислать мне с сим же адъютантом моим Монтрезором сколько можно более полицейских офицеров, которые могли бы армию провести через разные дороги на Рязанскую дорогу»²⁸.

Таким образом, ни о каком массовом использовании офицеров московской полиции с целью поджогов речи не идёт. При этом известно, что перед самым выездом из города Ростопчин дал некие распоряжения нескольким офицерам, о чём пойдёт речь в своё время. Кроме того, несколько человек полицейских офицеров в разное время переодетыми проникали в Москву. Но это делалось уже после пожара с целью разведки, о чём писал, в частности, Шаховской.

Так кто же был те люди, которых ловили и казнили как поджигателей? Обратимся к записям специально созданной французами комиссии, а так же другим свидетельствам и документам.

Пункт третий.

Поимка и казнь поджигателей специально учереждённой комиссией. Найденные доказательства подготовки Ростопчиным сожжения Москвы.

Комиссия была создана по указу «императора и короля» и начала работу 24 сентября 1812 года. Именно на это первое заседание ссылается Попов, говоря о том, что были схвачены 26 человек поджигателей, среди которых был даже «поручик Московского полка». Обычно пишут, что всех этих людей казнили «за доказанностью» их вины.

Комиссия разместилась в доме князя Долгорукова. Под караулом, без оков, были приведены 26 обвиняемых. Были принесены и вещественные доказательства (фитили, ракеты, фосфоровые замки, сера), которые были найдены «частью на обвиненных, а частью, подложены нарочно во многих домах»²⁹.

Как французы «справедливо» доказывали вину людей хорошо видно из воспоминаний Перовского, офицера квартирмейстерской части, бывшего среди русских парламентёров при сдаче Москвы Милорадовичем. Под разными предлогами Перовский был задержан в лагере французов, а затем, по вступлении их в Москву объявлен ими военнопленным: «Я старался, но тщетно, уверить, что квартальный офицер точно ни о каких мерах, принятых правительством, знать не может. «Он служит в полиции, и верно все знает», отвечали мне. Несчастного повели и заперли в подвале под площадкой, на которой я находился. «Что с ним будет?» спросил я у офицера, который его допрашивал. – «Он будет наказан, как заслуживает: повешен или разстрелян с прочими, которые за ту же вину с ним заперты». Этот странный приговор заставил и меня немного призадуматься...». Перовский был заперт в церкви отдельно и через сутки его нашёл здесь уже другой французский караул. «...– Мы нашли в церкви руссаго, г. капитан; что прикажите с ним делать?» спросил унтер-офицер. Не входя в дальнейшия толкования: «Заприте его вместе с другими под крыльцом», отвечал капитан... Угрожающая опасность придала мне сил. Я вскочил, и выбежал к офицеру: «...Я остановлен за городом во время перемирия, и до сих пор не почитаю себя в плену. Вы видите, прибавил я, указывая на саблю, что мне оставлено и оружие». «Извините, милостивый государь, сказал капитан очень учтиво, я ошибся».

«Однако же, отвечал я, ошибка эта стоила бы мне жизни, естлибы я не услышал приказания вашего, или не понял бы его»...»³⁰. И потом ещё раз Перовский чудом едва избежал смерти.

Ему вторит Е. А. Харузин в своём письме: « Французы, умывая, так сказать, руки в непричастности своей к московским пожарам, искали виновников и находили – всё русских. Каковых без дальних справок расстреливали и вешали на фонарных столбах, с надписями по-русски: «Зажигатель». При этой, шемякиной расправе, много погибло невинных...»³¹.

Интересная информация осталась в бумагах А.Я.Булгакова, московского почт-директора: «Перечень известий из Москвы по 3-е октября. Французы публиковали, что зажигальщикам домов будут выдаваемы денежные вознаграждения. Для получения оных явилось пьяных бродяг человек с восемь; но вместо того, чтобы сдержать обещанное слово, французы их всех повесили на бульваре...»³².

Далее в протоколе комиссии говорится: «Комиссия удостоверилась, что Российское Правительство уже три месяца назад предчувствовав опасность... и не возможность препятствовать французской армии вступить в Москву, решилось употребить в своем защищении необыкновенныя средства, зажигательства и истребления ...оно по сему приняло предложение одного доктора Англичанина, именем Шмита ...»³³.

Если верить уверениям господ французов из комиссии, то Москву было решено сжечь ещё до начала боевых действий(!), т.к. «англичанин именем Шмит» (он же Франц Леппих) прибыл для этих целей ещё в начале мая, т. е. почти за два месяца до перехода Великой армии через Неман. Видимо, все те огромные склады военного имущества и продовольствия, создаваемые параллельно в Москве, должны были послужить достоверной маскировкой для всех этих заблаговременных приготовлений для самосожжения(!).

Читаем далее в протоколе:

«Что всем известно, что он строил воздушный шар чрезвычайной величины...что приготовления к построению великаго шара, только выдуманно для того, чтобы скрыть истину, ибо в оном селе Воронцове ни чем другим не занимались, кроме фейерверками и составлением прочих зажигательных машин...»³⁴

Но в том то и дело, что Франц Леппих занимался именно изготовлением боевого шара и истратил на это огромные суммы государственных денег(320.000 рублей). Главные сложности как раз состояли в изготовлении самого шара и механизмов управления. Зажигательные вещества, естественно, так же изготовлялись в мастерских, так как именно с их помощью собирались наносить удар с воздушного шара. Переписка разных лиц по этому поводу подтверждает именно идею борьбы с французами при помощи шара, а вовсе не сожжение Москвы (о чём в документах нет ни слова).

Вот, к примеру, письма императора Александра.

Император Александр — графу Ростопчину

«Вильно, 24 мая 1812 года

...Перехожу теперь к предмету, для которого нужна вся Ваша скромность, так как в этом случае необходимо соблюдение величайшей тайны. Несколько времени тому назад мне был прислан весьма искусный механик, с изобретением, которое может иметь самые важные последствия ... Фельдъегерь, который вручит Вам это письмо, везет с собою 7 рабочих, приехавших вслед за механиком. Ему приказано оставить их за городом, до тех пор, пока, условившись обо всем с Обресковым и рассмотрев бумаги, Вы не укажете ему, куда он должен будет отвезти их.

Преданный Вам Александр»³⁵.

Император Александр – графу Ростопчину.

«С.-Петербург, 8 августа 1812 года

...Как только Липих будет готов, составьте для его ладьи экипаж из людей надежных и известите об этом генерала Кутузова, с курьером. Я уже уведомил его об этом деле. Внушите, пожалуйста, Липиху, чтобы он был весьма осторожен в выборе места, куда он спустится первый раз, чтобы не ошибиться и не попасть в руки неприятеля. Ему необходимо сообразовать свои движения с действиями главнокомандующего...»³⁶.

Кутузов, накануне Бородинской битвы, 22 августа, писал Ростопчину: «Государь император говорил мне об аэростате, который тайно готовится близ Москвы. Можно ли им будет пользоваться, прошу мне сказать, и как употребить его удобнее»³⁷.

Граф Ростопчин императору Александру, Москва, 11 июля 1812 года:

«Я видел Липиха; это человек весьма искусный и опытный механик. Он рассеял мои сомнения насчет пружин, приводящих в движение крылья того поистине адского снаряда...когда снаряд будет готов, Липих хочет отправиться с ним в Вильно. Можно ли быть настолько уверенным в этом человеке, чтобы не допустить возможности измены с его стороны и чтобы это изобретение не обратилось на пользу Ваших врагов?»³⁸.

Как видно из документов, проект Леппиха никак не был связан с сожжением Москвы. Более того, когда Москва уже была в руках неприятеля, Леппих был перевезён в Петербург (видимо, для заблаговременной подготовки сожжения его) и продолжал свои попытки построить и поднять в воздух шар. Работа продолжалась и тогда, когда французы уже отступали из России.

Далее комиссией дознано: «Что губернатор Ростопчин для вернейшего достижения до своей цели, прежде своего отъезду велел разпустить острог и яму...откуда и вышло осьми сот преступников, которым дано свободу с тем, чтоб подожгли город в дватцать четыре часа после, по вступлении в оной французских войск; Что разные офицеры, военнослужащие в Российской армии, и полицейские чиновники получили тайно приказ оставаться в Москве, будучи переодеты, чтобы распорядить зажигателей и дать им сигнал к запалению...»³⁹.

По этому «достоверному» пункту документы уже были приведены выше.

«...безсумнительно доказано, что губернатор Ростопчин для отнятия всех средств утушить пожар, приказал вывезть 14 числа сего месяца по утру. Из 20 кварталов в Москве все пожарные трубы, дроги, крючья, вёдры и все проч. пожарные орудия с принадлежащим к оному...»⁴⁰.

Обратимся к документам.

«Предписание графа Ф.В. Ростопчина московскому обер-полицеймейстеру Ивашкину, о вывозе из Москвы пожарных труб, 1 сентября 1812 года.

По уважению настоящих обстоятельств, я рекомендую вашему Превосходительству, чтоб пожарные команды немедленно были в готовности к выступлению, единственно только с трубами, а пожарные инструменты остаются здесь; сукно же взять; равномерно и драгунские два эскадрона должны быть в готовности и находиться при мне, а сборное место пожарной и всей полицейской команде назначается у Красных Ворот. Впрочем, как та, так и другая должна немедленно быть в готовности в Рязань»⁴¹.

Журнал исходящих бумаг канцелярии моск. генерал-губернатора Ростопчина.

Сентябрь 1812 года.

№ 530.10. Его Светлости Князю Голенищеву Кутузову.

«...одних конных или пеших с пожарными служителями находящимися во Владимире при пожарных инструментах, взятых туда из Москвы, отправить к Армии? К сему нужным почитаю присовокупить, что когда Москва возвращена будет от неприятеля. То оныя команды должны тогда возвратиться в Москву к должностям прежде ими занимаемым»⁴².

Журнал исходящих бумаг канцелярии моск. генерал-губернатора Ростопчина.

Сентябрь 1812 года.

№ 532.10. Обер-Полицеймейстеру Ивашкину.

«...Пешая полицейская и таковая же пожарная команда должны оставаться во Владимире, где ... удобнее смотреть за командами и пожарными инструментами, которых может быть скоро в Москву возвращены будут...»⁴³.

Как мы видим, никакой секретности в документах нет. Вся переписка ведётся в рабочем порядке. Пожарная команда входила в состав команды Московской Управы Благочиния и совершенно естественно при выходе команды Благочиния из города последовала вместе со всеми. Из пожарных инструментов предписано вывезти трубы как наиболее ценное и трудновосполнимое в случае утраты. Здесь тоже нет ничего необычного, так как и все другие службы, по возможности, вывозили своё казённое имущество, в первую очередь самое ценное. Все остальные инструменты, равно как и Москва-река, остались на месте.

Но даже если предположить, что пожарные трубы были бы оставлены в городе, они вряд ли помогли французам остановить пожар такого масштаба.

Далее в тексте протокола комиссии сказано, «что разные зажигательные составы, особливо замки или пузыри, наполненные фосфором и обвернутые в холстине, обсыпанной серою, которые были запрятаны и подложены в различных домах, явно доказывают, что сей пожар произошел от уложенного плану...»⁴⁴.

Московское Артиллерийское депо было занято огромным объёмом работы по изготовлению артиллерийских снарядов и боевых патронов. Объём был настолько велик, что артиллерийских служащих не хватало, и для изготовления зарядов наряжались выздоравливающие нижние чины из госпиталей (исходящие бумаги канцелярии моск. генерал-губернатора № 479.1)⁴⁵. Часть этих запасов осталась в городе в различных местах.

Кроме этого, в Москве изготавливались припасы для работ Леппиха, о чём доносил императору гражданский губернатор города Обресков от 6 июня 1812 года: «Материалы нужные к составу работы приисканы Лепихом в Москве, часть из оных искуплена, другие заказаны и уже приготавлиются...»⁴⁶. Запасы, предназначенные для проекта Леппиха, находили в Москве и после оставления её французами. Вот что писал Растопчин императору Александру 14 декабря 1812 года: «Мне удалось разыскать купорос на 30 000 рублей, купленный Липихом. Какое сделать из него употребление?...»⁴⁷.

Если ко всему перечисленному добавить запасы пороха и других воспламеняющихся веществ, зарядов для охоты и фейерверков, бывшие во многих частных домах, то становится ясно, что запасов зажигательных и взрывчатых веществ в Москве было и так достаточно, без всяких специальных планов и заготовок для пожара.

Учитывая, что тогдашние фейерверки имели много общего с другими предметами, предназначенными для воспламенения, часть из фейерверков, использовавшихся в праздники в состоятельных частных домах или заготовленных для общественных увеселений, вполне могли быть приняты завоевателями за «адские машинки», призванные их уничтожить.

Интересно, каким образом смог бы Растопчин заранее подложить везде специальные зажигательные заряды, не побеспокоив общественного мнения, которое он до последней минуты старался успокоить? Как бы объяснил военный губернатор свои действия владельцам частных домов всех слоёв населения? Если же предположить, что всё это было оставлено на последний момент, то каким образом физически удалось бы исполнить такой обширный план за столь короткое время на столь большой территории?

Всё это не исключает частных случаев, когда люди по собственному почину готовы были устроить неприятелям «горячую» встречу. Сохранились воспоминания французов о том, как они находили начинённые порохом и другими горючими веществами устройства в печах и дымоходах некоторых домов. Впрочем, сами французы поступали точно так же, оставляя населённые пункты. Достаточно вспомнить бой за Вязьму во время отступления Великой армии.

Комиссией был признан факт множества самосудов, когда напуганные и раздражённые пожарами французские солдаты убивали на месте любого

человека, взятого с чем-либо, могущим вызвать пламя, начиная от факелов и заканчивая кремнем и свечой: «...будучи пойманы при самом преступлении, были тотчас с самоизвольного движения и негодования разстрелены патрулями или убиты на месте самими жителями»⁴⁸. Капитан Бургоэн так говорит об этом в своих воспоминаниях: «...они поджигали дома, снабженные только кремнем и огнивом...»⁴⁹.

Капитан Ван Бёкоп оставил ещё более красноречивое воспоминание: «Мы расстреливаем всех тех, кого мы застали за разведением огня. Они все выставлены по площадям с надписями, обозначающими их преступления. Среди этих несчастных есть русские офицеры; я не могу передать большие детали, которые ужасны»⁵⁰.

Как понятно, огонь был нужен в то время и для освещения (подвалы, переулки, сильное задымление, вечернее время суток), и для обогрева, и для приготовления еды.

Из перечисленных 26 человек, представших перед комиссией по обвинению в поджогах, тринадцать, т.е. половина, были преклонного возраста. По-видимому, именно возраст помешал большинству из них покинуть город. Из общего числа девять человек были солдатами московской полиции. Кроме них были схвачены солдат 9-го русского пехотного полка Фёдор Мидцов (номерной рекрутский полк) и Пётр Игнатьев, ополченский офицер 1-го полка пеших егерей Московского ополчения. Во французских мемуарах мы встречаем описание захвата в плен молодого офицера ополчения: «Весь вечер и всю ночь (15 сентября – авт.) наши патрули только и делали, что приводили нам русских солдат...Между ними было два офицера... второй, человек совсем ещё молодой и имевший на себе кроме сабли пояс с патронами, ни за что не соглашался дать себя обезоружить, и так как он очень хорошо говорил по-французски, то объяснил нам в виде довода, что принадлежит к ополчению; но в конце концов мы убедили его повиноваться»⁵¹. Только в отношении 10 человек комиссия посчитала вину доказанной. Эти десять человек были приговорены к расстрелу; приговор должен был приведён в исполнение в течение 24 часов. Остальных 16 задержанных «Военная Комиссия уважив, что они недовольно изобличены» осудила на тюремное заключение «для избежания вреда, который бы причинить могли».

Далее речь в протоколе опять возвращается к найденным в Воронцове остаткам шара Шмита, «англичанина без сомнения», и всё найденное записывается как неопровержимые доказательства подготовки пожара Москвы.

В заключении прилагаются тексты ростопчинских афишек, также поданные как серьёзные доказательства подготовки пожара («вооружитесь, чем бы то ни было, особливо вилами, которые против французов тем более способны, что они не тяжелее соломенного снопа; естли их не победим то созжем их в Москве, естли осмелются войти в оную», «с помощью Божию, он отражен еще раз будет, то злодей и злодеи его погибнут от голода огня и меча»).

Налицо сильное желание комиссии свалить всю вину на русских вообще и на Ростопчина в первую очередь. При всём том, даже при таких установках смогли посчитать обвинения достаточными только против 10 человек.

Другие указанные доказательства (массы колодников-поджигателей, главный мастер по поджогам «англичанин Шмит», огнеопасные заряды, разложенные по всей Москве согласно давно разработанному плану сожжения) не состоятельны.

Пункт четвёртый.

Слова, сказанные или написанные Ростопчиным, прямо указывающие на него, как на инициатора поджогов в столице.

Говоря об этом, приводят, обычно, в доказательство афишки Ростопчина и его письмо к Багратиону. Как это выглядит в афишках, мы уже рассмотрели выше. Это образчики т.н. «квасного» патриотизма, выдержанные в псевдонародном духе. Там много громких фраз и угрозы сожжения «злодеев» выглядят вполне созвучно другим подобным призывам: вооружиться против французов чем ни попадя, особенно вилами и т.д. Всё это надо рассматривать не более, как попытки при помощи ярких образов и громких лозунгов поддержания в народе некоего бодрого духа и патриотического настроения, как его понимал сам Ростопчин.

Письмо к Багратиону от 12 августа 1812 года:

« Москва, 12 августа 1812 года

Принимая во всей мере признательности доверенное письмо Вашего сиятельства, с крайним прискорбием узнал о потере Смоленска ... Ополчение здешнее готово, и завтра 6000 будут на бивуаке. Остальные же сводятся к Верее и к Можайску. Ружей, пороху и свинцу пропасть; пушек 145 готовых, а патронов 4980000. Я не могу себе представить, чтобы неприятель мог прийти в Москву. Когда бы случилось, что вы отступили к Вязьме, тогда я примусь за отправление всех государственных вещей и дам на волю каждого убираться, а народ здешний, по верности к государю и любви к отечеству, решительно умрет у стен московских, а если Бог ему не поможет в его благом предприятии, то, следуя русскому правилу: не доставайся злодею, обратит город в пепел, и Наполеон получит вместо добычи место, где была столица. О сем недурно и ему дать знать, чтобы он не считал на миллионы и магазинны хлеба, ибо он найдет уголь и золу. Обнимаю Вас дружески и по-русски от души, остаюсь хладнокровно, но с сокрушением от происшествий, Вам преданный граф Ростопчин»⁵².

Это уже не прокламации на потребу публике, а частное письмо, где автор может поделиться сокровенными мыслями. Но Ростопчин как деятель государственный и в письме не просто пишет, а продолжает часть той деятельности, которую он ведёт как военный губернатор. И говоря о собранных запасах, о готовности народа всем пожертвовать и скорее сжечь Москву, чем допустить в неё неприятеля (уточняя при этом, что уничтожены

будут в первую очередь магазинов с запасами), он в то же время даёт понять, что захват Москвы – вещь недопустимая («Я не могу себе представить, чтобы неприятель мог прийти в Москву.»). Общий посыл письма можно охарактеризовать как «мы вас тут не подведем, но и вы нас не выдайте». Логично предположить, что, используя сильную риторику, граф скорее показывает степень отчаяния, которая может быть при неблагоприятном развитии событий, тем самым, давая понять военным (в данном случае – командующему 2-ой Западной армии), что все ждут решительных действий от русской армии.

Если представить, что всё сказанное Ростопчиным не просто эмоциональные фразы, а слова, указывающие на деятельную подготовку к сожжению Москвы, то это должно подтверждаться другими письмами и документами, т.к. подготовка к столь масштабному действию обязательно должна была оставить какие-то следы как в деловых бумагах, так и в частной переписке.

Ничего подобного в документах не встречается. Нет ни предписаний, ни рапортов исполнителей. Нет этого и в переписке. После пожара также нет каких-либо упоминаний, что «дело сделано». Вот письмо государю.

«8 сентября [1812].

Деревня

Кутузова

по Тульской дороге в 34 верстах от Москвы

<...> Отдача Москвы французам поразила умы. Солдаты предались унынию ...Генералы в бешенстве, а офицеры громко говорят, что стыдно носить мундир... Я в армии, смерть у меня в душе. Вижу войско в беспорядке, крестьян разоренных, сообщения прерванные... Кутузов, старая баба-сплетница, потерял голову и думает что-нибудь сделать, ничего не дела...»⁵³.

А вот письмо графу П.А.Толстому, написанное из Пахры 13 сентября 1812 года: «Сколь ни тяжело мне писать к вам, почтенный граф, но я хочу известить вас о предании Москвы и о бедственном положении армии нашей ... Тут мне оставалось вот еще что сделать. Важное, нужное и драгоценное все уже отправлено было, но должно было потопить оставшийся порох 6 000 пуд, выпустить в магазине 730 000 ведер вина, отправить пожарные, полицейские и прочие команды, гарнизонный полк и еще два, пришедшие к 6 часам утра. Все сие сделано было. Войска наши вышли в беспорядке...Вечеру загорелись лавки и лабазы близ Кремля. На другой день во многих местах загорелся город и при сильном ветре, продолжаясь три дня, огонь истребил 5/6 частей города...»⁵⁴.

Оставим на совести Ростопчина его высказывания о боеспособности русской армии и деятельности Кутузова. Притом, что граф пишет откровенно, он ни словом не говорит об удавшемся или неудавшемся всеобщем сожжении Москвы. Более того – он пишет о потоплении пороха как о необходимой мере перед оставлением города. Зачем топить 6.000 пудов пороха, если Москве давно назначено сгореть? Зачем лишать себя столь могучего подспорья? Пожарную команду, как видно из письма, выводят из

города на тех же общих основаниях, что и другие команды, а никак не из желания помешать французам тушить огонь.

И позже, когда французы уже гонимы из пределов России, мы не увидим в письмах Ростопчина признания о причастности его к полному сожжению первопрестольной, хотя, казалось бы, можно поставить себе в заслугу (уже приводимое выше письмо Ростопчина предположительно Вязиминтову от 30 октября 1812 года). Только в узком кругу лиц позволял себе Ростопчин неосторожное бросание словами по этому поводу. Князь А.А. Шаховской был одним из тех, кто первый встретил приехавшего Ростопчина в сожженной Москве. Князь пишет о долгой ночной беседе его с Ростопчиным и Н.В. Обресковым : «...Гр. Ростопчин с самодовольством говорил о том истинно славном деле, от которого через несколько лет печатно отрекался в Париже, и почти с таким же самодовольством читал мне черновое письмо свое к фельдмаршалу и старался дать почувствовать игру слов или каламбур в упрек, что он, фельдмаршал, своим покоем, очень беспокоит всю Россию. Лицо мое, болтливое не меньше моего языка и пера, не скрыло от него, чего бы из учтивости словами я ему не сказал»⁵⁵. Шаховской иронизирует по поводу попыток Ростопчина покрасоваться перед собеседниками и примерить на себя роль античного героя. В то же время, повествуя о встрече своей с гражданским губернатором, князь Шаховской не говорит о каких-либо специальных предварительных мерах, направленных на сожжение столицы: «Меня обрадовал приезд московского гражданского губернатора Ник. Вас. Обрескова ... Я от него узнал многия обстоятельства и происшествия, предварившия вход неприятеля; между прочим о горячем шаре. Который долго и тайно приготавливали в подмосковной кн. Репнина. Он... найденный бесполезным против вступающего неприятеля... был отправлен, помнится, на ста подводах за Владимир... Несколько оставшихся от него начиненных горячим веществом бумажных трубок были выставлены уликою в зажигательстве Москвы, несчастных схваченных и повешенных по военному Наполеонову суду, давно известному на Руси под именем Шемякина»⁵⁶.

На сколько же причастен военный губернатор Москвы граф Ростопчин к пожару? В чём выразилось его участие?

Пункт пятый. Свидетельство Вороненко и Н.Ф.Нарышкиной.

Называют два основных свидетельства очевидцев – это Н. Ф. Нарышкина, дочь Ростопчина, и квартальный надзиратель П.И.Вороненко.

Воспоминания Нарышкиной были написаны в 1860-х гг. Основаны они были на дневниковых записях и рассказах старшего брата и отца. Нарышкина пишет, что в ночь на 2-ое сентября «полицмейстер Брокер привёл несколько человек, одни из которых были горожане, другие – чиновниками полиции. В кабинете отца состоялась тайная беседа в присутствии Брокера и моего брата». Саму Нарышкину, как понятно, на совещание не пустили, и она могла судить лишь со слов других. В связи с этим более интересными

представляются воспоминания непосредственного исполнителя приказа Ростопчина – П. И. Вороненко, присутствовавшего на тайном совещании (ВУА. Д. 3465. Ч. 11./Л. 203/Московской Управы Благодичиния г. экзекутору Андрееву Следственного пристава Вороненко).

В своей записке Вороненко пишет о том, что после вторжения Наполеона он был направлен Ростопчиным в действующие армии с тем, чтобы докладывать московскому военному губернатору напрямую о ходе событий в армии. Вороненко находился при Главной квартире вплоть до вступления армии в Москву. Ни о какой подготовке к заблаговременному сожжению и инструкций на этот счёт в записке Вороненко речи не идёт. Только «2 сентября в 5 часов пополуночи» Ростопчин «поручил мне отправиться на винной и мытной дворы, в Комиссариат и на неуспевшие к выходу казенные и партикулярные барки у Краснова холма и Симонова монастыря и в случае внезапного вступления неприятельских /Л. 204 об./ войск стараться истреблять все огнем что мною и исполняемо было в разных местах по мере возможности в виду неприятеля до 10 часов вечера. – А в 11 часу из Замоскворечья переправясь верхом вплавь ниже Данилова монастыря, около 2 часов пополуночи соединился с нашим арьергардом, между коего следовал до Главной квартиры расположенной за Боровским перевозом...»⁵⁷. Для исполнения данного поручения Вороненко получил под своё начало команду крутицких драгун в количестве 21-го человека, которые вместе с ним благополучно присоединились к армии. Здесь видны неточности, допускаемые Нарышкиной, подзабывшей ход событий (**которых она лично и не видела**) за давностью лет: она пишет, что «это был Вороненко ..., смело приступивший к делу в 10 часов вечера... в одно мгновение склады с припасами, нагруженные хлебом барки на реке, лавки со всевозможными товарами... – вся эта масса богатств стала добычей пламени...». Сам же Вороненко, писавший намного раньше Нарышкиной (1836 год) **о своих действиях**, указывает, что зажигалось казённое имущество «по мере возможности в виду неприятеля» до 10 часов вечера, после чего его команда была занята тем, чтобы выйти из города. Как известно, отдельные пожары в момент вступления французов вполне удачно тушились ими, о чём остались воспоминания со стороны неприятеля, а основные пожары начались в Москве на следующий день.

Сохранился и ответ Адама Фомича Брокера на отношение Московской казённой палаты № 8976 от 31 августа 1817 года. В отношении говорилось: «Г. Генерал майор и кавалер Ивашкин дал знать сей палате, что пред нашествием в Москву неприятеля с 1-го на 2-е число сентября 1812 года ... он с вами, отправился на винный двор...». В заключении палата спрашивала, исполнено ли поручение, сколько бочек разбито и т.д.

На это Брокер отвечал: «Действительно в ночь с 1-го на 2-е сентября, был я оставлен обер-полицмейстером Ивашкиным, для разбития бочек с вином, как на дворе оставленных, так и в магазейнах, и исполнял это приказание до 7-ми часов, в которое время получил приказ явиться к начальству с командой, за выходом из столицы полицейского корпуса; а

потому, явился с командой на сборное место, к дому обер-полицмейстера, что у Красных ворот, и донёс, что истребить все бочки, в подвалах хранящиеся, я не мог, за получением приказа о выступлении. Сколько истреблено бочек, по смутным обстоятельствам того времени, объяснить ныне не могу»⁵⁸.

Из вышеприведённых документов видно, что хотя Брокер и участвовал в совещании у Ростопчина, но никаким образом не был связан с сожжением каких-либо казённых мест, а был занят уничтожением вина. Т.е. за закрытыми дверями решались вообще все общие вопросы экстренной эвакуации.

Таким образом, мы делаем вывод, что Ростопчин не имел заранее разработанного плана или директивы о всесожжении древней столицы. Уже в последний момент, видя Москву оставляемой неприятелю, военный губернатор решается уничтожить не вывезенные казённые запасы. Для этого он собирает оставшихся под рукой подчинённых и доверенных лиц в количестве нескольких человек и даёт им распоряжения на этот счёт. Выполнить уничтожение казённых складов, зданий и барок на реке удаётся лишь частично (что хорошо видно из воспоминаний французов, приводившихся вначале статьи) как в виду малого количества исполнителей, так и в виду ничтожно малого количества времени, оставшегося на исполнение решения, принятого в последний момент.

Пункт шестой. Невыгодность пожара Москвы для французов.

Действительно, рассматривая все чаяния и надежды французской армии и их союзников, связанные с Москвой, нельзя не согласиться, что пожар древней русской столицы был совершенно невыгоден неприятелю. Но то, что верно для всей армии французов в целом может иметь разные варианты для отдельных индивидуумов, её составляющих. Дисциплина в Великой армии, с достижением Москвы как предполагаемого пункта окончания всех тягот войны, стремительно упала. Солдаты неприятельской армии стремились в первую очередь вознаградить себя за все лишения, испытанные во время кампании. Всё остальное, в том числе требования командиров сохранять порядок, отошли на второй план. Как результат – массовое покидание строя личным составом ради проникновения в город, желание воспользоваться всеми благами. Нарушались элементарные правила пожарной безопасности для города того времени, и невозможно было принять адекватных мер по пресечению этого как из-за обширности города, так и из-за массовости этого явления. Вот лишь несколько примеров, сохранённых для нас самими очевидцами из Великой армии.

«...Но грабеж и воровство уничтожили все провианты, прежде чем были приняты какая-либо меры к их спасению... солдаты... предались грабежу и всяческим насилиям; многие из них поплатились жизнью за свою

жадность: более 6.000 солдат задохлись от дыма в домах, загоравшихся, после того как они проникли в них для грабежа...»⁵⁹.

«Конечно, и наши солдаты могли поджечь в некоторых местах, но не повсюду же»⁶⁰.

«В Кремле, этой крепости-дворце, на каждом шагу были расставлены часовые гренадеры... Солдаты все казались пьяными; оружие свое они сняли и, по-видимому, караулили при помощи своих больших деревянных ложек... Они повели меня к так называемому караульному офицеру, которого изображал самый старый солдат отряда. Он поместился под сводом, защищавшим его от ветра; перед ним был разложен из досок хороший костер, а одет он был еще причудливее. С важным видом захмелевшего человека он держал военный совет с бутылками и с банками варенья... Дорогой я заметил, что пламя значительно увеличилось и солдаты принялись за грабеж»⁶¹.

«В общем пожар прекратился; по крайней мере, теперь не заметно в нем общей связи. Если там и сям еще и горят дома, то причина заключается в том, что и здесь, как во всех русских городах, в каждом доме имеются хлебопекарные печи, которыми пользуются наши солдаты для хлебопечения. Не смотря на строжайшие меры, принятые против одиночных солдат, застигнутых при хлебопечении, величина города, со множеством скрытых от надзора закоулков, и множества отсталых и отделившихся от своих частей солдат – препятствуют прекращению этих несчастных случаев... система тренерства и мародерства, а также благодаря архитектуре русских домов с их хлебопекарными печами, которыми пользовались весьма небрежно, мне представляется достаточным для того, чтобы объяснить происхождение отдельных пожаров и страшное распространение, затем, огня, вследствие недостаточности противопожарных средств»⁶².

«Были сделаны строгие распоряжения; никому не разрешалось уходить из лагеря; ежечасно били сбор. Тем не менее солдаты десятками бегали в город... Скоро можно было видеть массу пустых бутылок, валяющихся по биваку, из которых было выпито разного рода вино, сидр, шампанское, ром и арака.

В таком положении пробыли мы до третьего дня, когда наконец были снаряжены команды под начальством офицеров, чтобы идти в город. Но солдаты, как только вступили в предместья, тотчас разбежались в разные стороны, кто куда хотел..... Зачастую можно было видеть, как верхняя часть домов, подгорев, обрушивалась над погребями, полными пьяных солдат, пьющих за здоровье проходящих мимо товарищей. Таким образом погибли целые тысячи людей»⁶³.

«Скоро мы стали отличать голоса и проклятья на французском языке. Улица осветилась красноватым светом факелов, которые несли шедшие впереди артиллеристы. Мы ...скоро очутились перед очень красивым домом. В нем раздавались голоса и смех. Дверь, выходящая на тротуар,

была вышиблена, и из подвальных окон ярко сверкал среди глубокой тьмы, окружавшей нас, свет, словно огненные глаза.

Мы ...проникли внутрь дома... перед нами открылся ряд сводчатых погребов, **ярко освещенных прислоненными к стене или вставленными среди бочек факелами.**

Успевшие уже изрядно выпить артиллеристы пели песни во все горло»⁶⁴.

Подобным воспоминаниям вторят очевидцы с русской стороны: «...а в ночи во 2-м часу пришли в больницу 3 польские офицера и 15 рядовых с **большими восковыми церковными свечами...рядовые начали повсюду бегать и что находили укладывать в мешки ими принесенные...3-го числа поутру в 11 часов отряд польских войск, из 200 человек состоявший и потом более умножившийся, стремительно вбежал на двор больницы ...в сие время ни увещевания, ни угрозы, что будет принесена их начальству жалоба, не могли удержать неистовства сих грабителей...»⁶⁵.**

«Вместе со входом французов начались пожары. Загорелся винный двор у Каменного моста и под Симоновым монастырем пороховые магазейны, потом Гостиный двор, ряды и во многих местах дома, церкви, а особенно все сожжены фабрики и другие заведения. Пожары продолжались целые 6 суток, так что нельзя было различить ночи от дня...»⁶⁶.

«...ворота западные прорубили и взошли прямо в собор во время великого славословия... Некоторые варвары видели меня, но ничего мне не сказали, **а в Сергиевской церкви, в трапезе братской и кладовой огни горят... Подхожу к собору - в нем огни и много варваров бегают с возжженными местными свечами...»⁶⁷.**

Как мы видим, представители Великой армии силою врываются всюду, куда считали нужным, используя для освещения свечи и факелы. Многие из грабителей были пьяны, что так же не способствовало порядку. Нарушалась элементарная противопожарная техника безопасности того времени. Ещё в период с 1740 по 1757 гг. в России (в том числе особо для Москвы) был издан целый ряд указов и правил, направленных на предотвращение пожаров. Среди прочего «воспрещалось класть хлам и удобосгораемые вещи на печах »(№8162); были указы «о нераскладывании огня на улицах»(№8525), «о нетоплении летом на больших дорогах изб и харчевен(№9183), **«воспрещение ходить с горящею лучиною в погреба, сараи и конюшни (№10380)»** и т. д.⁶⁸

Эти и другие правила массово нарушались солдатами неприятеля из-за сильнейшего упадка дисциплины. Не соблюдались и правила пожарной безопасности при хлебопечении и приготовлении пищи вообще.

Была и ещё одна причина пожаров, естественно не столь распространённая, как вышперечисленные, но всё же заслуживающая быть упомянутой. Это поджог с умыслом, из чувства мести. В этой связи, в основном, упоминаются поляки, считавшие себя вправе расчитаться за старые обиды. «...Если всех манила возможность грабежа, то у поляков к этому присоединилось желание отомстить за былые обиды. Я видел, как

один улан ударами хлыста гнал перед собой русского, который должен был нести его добычу и гнулся под тяжестью своей ноши. Когда я стал упрекать его за эту грубость, он гневно ответил мне: «А знаете ли вы, что у меня убили мать и отца в Праге?»⁶⁹.

« 5 ч. (числа – авт.) когда адъютанты маршала Лефевра намерены были переехать в Петровский дворец, просил я о защите больницы, на что они отвечали, что мне непременно должно явиться к самому маршалу... В самое время со двора выезда их обоза, вбежали из поляков шесть человек в хлебопекарную, из коих один с ножом кинулся на ключника, а другой, имевший в руках 10-ть патронов с порохом, начал зажигать строение; на шум от того, во всем доме происшедший, взял я одного из гренадер, который догнав убежавшего зажигателя, одним ударом опрокинул его на землю, обыскал патроны при нем бывшие и связав руки назад, повел с обозом в лагерь, куда и мы с доктором пошли вместе...он (Лефевр – авт.) оборотясь ко мне говорил, что он удивляется. Что при всех строгостях, употребляемых им с зажигателями, оные могут укрываться и продолжать сии губительные действия, упомянув притом, что приведенный при обозе его поляк, в зажигании больницы пойманный, завтра же разстрелян будет...»⁷⁰.

«Как в сей день, так и в следующие французские войска входили в город и выходили из онаго, оставалось же их тогда до 50.000.

С самого первого вечера начались пожары, но и день ото дня увеличены были, разосланы были по всему городу зажигателями, бросавшими во все дома и церкви зажигательные составы, в низкие места из рук, а в высокие из пистолетов. С пожарами вместе начались грабежи, смертоубийства и всякого рода жестокости и поругания от неприятельских войск... Воспитательный дом находился в величайшей опасности, будучи со всех сторон окружён пламенем... Когда я и подчинённые мои с помощью пожарных труб старались загасить огонь, тогда французские зажигатели поджигали с других сторон вновь.... Кудринский вдовый дом сгорел 3-го сентября во вторник, не от соседственных дворов, но от явного зажигательства французов, которые видя что в том доме русских раненых было около 3000 человек стреляли в оный горючими веществами и сколько смотритель Мирицкий ни просил варваров сих о пощаде дома; до 700 раненых наших в оном сгорело; имевшие силы, выбежали и кой-куда разбрелись»⁷¹.

Таким образом, хотя солдаты Великой армии в массе своей и не желали уничтожения Москвы, как источника различных благ для себя, но ввиду падения дисциплины, часто их действия становились причиной пожаров.

Пункт седьмой. Сожженное имение Ростопчина как доказательство его причастности к сожжению Москвы.

Иногда приводят в качестве доказательства сожжение Ростопчиным своего имения Воронцово. Коленкур так повествует об этом:

«...дворец губернатора Ростопчина был сожжен дотла его владельцем, который выставил напоказ свою решимость ... объявив о ней в афише, прибитой на дорожном столбе в его подмосковном имении Воронцове... Вот ее текст: «В течение восьми лет я украшал эту деревню, жил здесь счастливо в лоне семьи. Жители этой земли, число 1720 душ, покидают ее при вашем приближении, а я поджигаю мой дом, дабы он не был запятнан вашим присутствием. Французы, я оставил вам два моих дома в Москве с обстановкой стоимостью в полмиллиона рублей; здесь вы найдете только пепел»⁷².

Если внимательно прочитать афишу, оставленную Ростопчиным, то мы увидим явное противопоставление. В Москве Ростопчин оставляет французам нетронутыми свои дома, не успев или не посмев уничтожить их (но всё же оставляя «сюрпризы» в печах (по воспоминаниям французов)), а здесь, в Воронцово, он поступает как самовластный хозяин своего имущества, где никто не потеряет кроме него одного.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Таким образом, пожар Москвы произошёл по совокупности целого ряда причин. Назовём основные из них.

1)Поспешное оставление огромного города подавляющим большинством населения. При массовом исходе 200-300 тысяч человек гражданского населения в виду неприятеля не вызывает сомнения то предположение, что где-то в домах сложились ситуации, благоприятные для возникновения пожара (не был затушен огонь, осталась горящая свеча или лучина и т.д.).

2)Действия солдат Великой армии внутри Москвы, на общем фоне падения дисциплины, грубо нарушали правила пожарной безопасности того времени и способствовали возникновению пожаров.

3)Частные случаи поджога со стороны военнослужащих Великой армии и представителей низших слоёв общества из гражданского населения по разным мотивам (с целью грабежа, из чувства мести и т.д.).

4)Зажжение ряда казённых мест и некоторого количества барок на Москве-реке по приказанию военного губернатора.

5)Погодные условия, в первую очередь сильный ветер, значительно усилили действие огня в пустом городе при отсутствии какой-либо единой власти в первые дни вступления французов в Москву, благодаря чему пожар приобрёл столь разрушительную силу.

И, наконец, назовём главную причину пожара. Вторжение армии Наполеона в Россию стало первопричиной многих событий 1812 года, в том числе и московского пламени. Если бы не приход под стены столицы врага, стремящегося покорить Россию вооружённой рукой, Москва бы не сгорела.

P.S. В материалах XV Международной конференции, проходившей 9-11 сентября 2008 года в Государственном Бородинском военно-историческом музее-заповеднике есть статья В.Н. Земцова «Русские дети Наполеона, или Московский Воспитательный дом в 1812 году». Известный автор, доктор исторических наук... По его версии, русские варвары-колодники во главе с Ростопчиным сожгли Москву и только Наполеон спас Воспитательный дом с несчастными его обитателями. Привёл при этом документы. Выборочно. Предпочтение отдал французским, русские (которые не были созвучны его мыслям) либо просто проигнорировал, либо, не разбирая, назвал их лукавыми и недостоверными. Пишет, к примеру, что «...**можно считать доказанным факт сознательного освобождения утром 2 сентября Ростопчиным 166 колодников Временной тюрьмы с целью организации поджогов**».

При этом не приводит ни единого документа. Странно как-то. А почему тогда не отпустил остальных шестьсот с лишним человек? Они бы оченьгодились для массовых поджогов. Получается, Ростопчин саботировал «организацию поджогов» и не использовал основные имеющиеся ресурсы.

Но если читать документы, то картина получается совсем иная. Из 166 человек Временной тюрьмы только около 130 отпущены (остальных посчитали недостаточно надёжными и перевели в Тюремный замок) на волю с обещанием вернуться по первому требованию. Отпущенные люди – это лица, преимущественно содержащиеся по долговым обещаниям и не совершавшие уголовных преступлений. Часть из них – женщины. Даже если предполагать, что некоторый процент выпущённых на волю участвовал в грабежах, то нет оснований говорить о том, что эти люди были отпущены **с целью** совершения массовых поджогов.

Ещё 80 человек, которых Земцов не досчитался по последующим документам и «целенаправленно» так же отправил с дороги «жечь Москву» вряд ли сбежали и **все как один** направились поджигать первопрестольную. Это число странным образом совпадают с количеством больных колодников, которых, скорее всего, при первой возможности отделили от основной массы и сдали по дороге местным властям под присмотр.

Говоря о встрече Тутолмина (под чьим началом был Московский Воспитательный дом) с Наполеоном, Земцов из двух описаний этого события – собственно Тутолмина и секретаря-архивиста Наполеона А.Ж. Фэна – отдаёт предпочтение последнему. По этой причине в статье говорится только

о словах Наполеона о русских варварах, колодниках и Ростопчине и совершенно опущен факт возражения Тутолмина о том, что французы также участвуют в поджогах. При этом ничего не говорится о ложной уверенности Наполеона в использовании воздушного шара «англичанина Шмидта» (Франца Леппиха) для поджога Москвы.

Неоднократные свидетельства Тутолмина о поджогах со стороны французов Земцов в статье вообще не упоминает. Говорит об этом лишь в одной из ссылок и тут же резюмирует, что не надо верить «лукавому» старшему надзирателю, т.к. он написал в документе таким образом только потому, что хотел угодить начальству.

Автор статьи говорит о том, что «Ростопчин открыто признался» в приказе вывести из города пожарных служителей и трубы. Но ведь никто и не делал из этого тайны. Пожарные были под командой Ростопчина и вышли из города вместе с полицейскими командами, гарнизоном и др., кто подчинялся военному губернатору, т.е. в рабочем порядке. Может, кроме пожарных команд, надо было и полицейских оставить, чтобы с иностранной солдатни штрафы брать за распитие вина в неположенных местах?

Все команды и ведомства, покидая Москву, брали с собой всё наиболее важное и ценное по своей части. Для пожарных команд ценным являлись пожарные трубы.

Да и странно было бы предполагать, что Ростопчин посмел по собственному почину сжечь второй город в империи, не получив на то предписаний от императора Александра. А таких документов не имеется.

К сожалению, тема виновности **исключительно** русских в московском пожаре 1812 года в последнее время становится популярной и даже навязчивой. Методы использования документов при этом не являются безупречными, несмотря на научные звания и регалии исследователей. В вышедшей в 2010 году книге «1812 год. Пожар Москвы» В.Н. Земцов более осторожен в своих оценках. Но основная мысль - об организации поджога столицы Ростопчиным – присутствует. Говоря о стечении многих обстоятельств, автор упорно возвращается к фигуре московского губернатора как главного и первого виновника трагедии. Идея так созвучна его видению, что даже явные передержки(как, к примеру, домысливание хода совещания у Ростопчина за закрытыми дверями) идут в ход. Очень показательны призывы автора в заключении книги, где он предлагает исторический подход «на основе переосмысления и «переигрования» прошлого» для «осознанию самих себя». Но поскольку « образы ... России в глазах «Запада» ...

сохранились почти в полной неизменности» со времени пожара, то нам опять предлагается игра в одни ворота по «не нашим» правилам. Тогда очевидно, что следуя такому совету и такому подходу в истории мы не только не «осознаем самих себя» но полностью можем потерять своё самосознание, совершив некий «исторический суицид». А самоубийство, как известно, грех, который не прощается.

---

¹ Лоссберг. Поход в Россию в 1812 году// Приложение к «Военно-Историческому Вестнику», 1912. Киев. С. 47 – 48, 51, 57.

² Брандт. От Немана до Москвы и от Москвы до Парижа// Москва, 1912.

³ Лоссберг. Поход в Россию в 1812 году// Приложение к «Военно-Историческому Вестнику», 1912. Киев. С. 20

⁴ Фюртенбах. Из воспоминаний баварской службы обер-лейтенанта Фюртенбаха о походе в Россию в 1812 году //Военно-исторический сборник, 1913 г. №1. С. 184, 188.

⁵ Карфачевский А.А. Копия с выписки из письма чиновника московского почтамта, Андрея Карфачевского, 6 ноября 1812 года //Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Часть 5, Москва, 1900. С. 165 – 167.

⁶Петров М.М. Рассказы служившего в 1-ом егерском полку полковника Михаила Петрова о военной службе и жизни своей и трёх родных братьев его. Зачавшейся с 1789 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии из собрания отдела письменных источников ГИМ. М., «Мысль», 1991. С. 190.

⁷ Мешетич Г.П. Исторические записки войны россиян с французами и двадцатью племенами 1812, 1813, 1814 и 1815 годов // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии из собрания отдела письменных источников ГИМ. М., Мысль, 1991. С. 50.

⁸ Дрейлинг И.Р. Воспоминания участника войны 1812 года // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии из собрания отдела письменных источников ГИМ. М., Мысль, 1991. С. 377.

⁹ Романов М.П. Записки отставного подполковника Михаила Петровича Романова военным действиям в России и за границей с 1812 и по 1817 год в которых он участвовал // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии из собрания отдела письменных источников ГИМ. М., Мысль, 1991. С. 404.

¹⁰ Благовещенский И.М. Из воспоминаний // 1812 год. Воспоминания воинов русской армии из собрания отдела письменных источников ГИМ. М., Мысль, 1991. С. 418 – 420.

---

¹¹ Н.Б.Голицын. Офицерские записки или воспоминания о походах 1812, 1813 и 1814 годов. Москва, 1838 г. С. 22 – 23.

¹² Д.С.Дохтуров. Письма Д.С.Дохтурова его супруге, «Русский Архив», 1874. Т.1. № 5, стб. 1089-1131. Или: К чести России. Из частной переписки 1812 года. Москва, «Современник», 1988.

¹³ Радожицкий. Походные записки артиллериста, с 1812 по 1816 год. Москва, 1835. Т. 1. С. 169 – 175.

¹⁴ Бискупский К. Письма подполковника К.А. Бискупскаго. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Часть 7. Москва, 1903. С. 299.

¹⁵ Граф Боволье. Записки современников о 1812 годе», «Русская старина», 1893 г. Т. LXXVII, январь.

¹⁶ Барон Дедем. Из записок барона Дедема // Русская старина, 1900. Т. СIII, июль. С.129.

¹⁷ А.О. де Коленкур. «Поход Наполеона в Россию». Смоленск, «Смядынь», 1991.

¹⁸ Лоссберг. Поход в Россию в 1812 году // Приложение к «Военно-Историческому Вестнику? 1912. Киев. С. 48.

¹⁹ Ларей. Французы в России. 1812 год. По воспоминаниям современников-иностранцев. Москва, 1912. Или: Наполеон в воспоминаниях иностранцев. Москва, «Захаров», 2004.

²⁰ Маре. Французы в России. 1812 год. По воспоминаниям современников-иностранцев. Москва, 1912. Или: Наполеон в воспоминаниях иностранцев. Москва, «Захаров», 2004.

²¹ Хлаповский. Воспоминания генерала Хлаповского о войне 1812 года // Вестник иностранной литературы. С.24.

²² Вельтман. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Часть 2. Москва, 1897. С. 212.

²³ Отношение Московской Управы благочиния в 1-й департамент Московского Надворного Суда, 6 июня 1813 года // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Часть 2, Москва, 1897. С. 213.

²⁴ Копия с дела об отправлении в Рязань колодников и арестантов из моск. тюремного замка, 1812 года // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Часть 6. Москва, 1901. С.4.

-
- ²⁵Рапорт смотрителя тюремного замка Иванова Ивашкину, 13 сентября 1812 года // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Часть 6. Москва, 1901. С. 5.
- ²⁶ Журнал исходящим бумагам канцелярии моск. генерал-губернатора графа Растопчина, с июня по декабрь 1812 года. № 520 // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Часть 10. Москва, 1908. С.175.
- ²⁷Ростопчин – неизвестному (Вяземинтову?). ВУА, Т. 19. С. 400.
- ²⁸ Письмо Кутузова Ростопчину. Бородино. Документы, письма, воспоминания. Москва, 1962. С.143 – 144.
- ²⁹Протокол французской военной коммисии, судившей поджигателей, 24 сентября 1812 года... // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Часть 1. Москва, 1897. С. 132.
- ³⁰ Перовский. Из записок покойного графа Василия Алексеевича Перовского // Русский Архив, № 35. С. 1037 – 1039, 1041 – 1042, 1043 – 1046.
- ³¹ Харузин. 1812 год в воспоминаниях современников. Москва. Наука, 1995.
- ³² Из бумаг А.Я.Булгакова, московского почтдиректора (Русский Архив, 1866 год второй (1864 год). С. 786.
- ³³Протокол французской военной коммисии, судившей поджигателей, 24 сентября 1812 года... // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Часть 1. Москва, 1897. С. 132.
- ³⁴Протокол французской военной коммисии. Судившей поджигателей, 24 сентября 1812 года...// Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Часть 1. Москва, 1897. С. 132 – 133.
- ³⁵ Письмо Александра I // Пожар Москвы. По воспоминаниям и переписке современников. Москва, 1911. Или: Наполеон в России глазами русских. Москва, Захаров, 2004.
- ³⁶Письмо Александра I// Пожар Москвы. По воспоминаниям и переписке современников», Москва, 1911. Или: Наполеон в России глазами русских. Москва, Захаров, 2004.
- ³⁷ Письмо Кутузова // М.И. Кутузов. Сборник документов. Т. IV, ч.1. 1954. С. 125 – 126.

-
- ³⁸ Письмо Ростопчина // Пожар Москвы. По воспоминаниям и переписке современников. Москва, 1911 г. Или: Наполеон в России глазами русских. Москва, Захаров, 2004.
- ³⁹ Протокол французской военной комиссии. Судившей поджигателей, 24 сентября 1812 года...// Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Часть 1. Москва, 1897. С. 133 – 134.
- ⁴⁰ Протокол французской военной комиссии. Судившей поджигателей, 24 сентября 1812 года...// Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Часть 1. Москва, 1897. С. 134.
- ⁴¹ Предписание графа Ф.В. Ростопчина московскому обер-полицмейстеру Ивашкину, о вывозе из Москвы пожарных труб, 1 сентября 1812 года // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Часть 1. Москва, 1897. С. 96.
- ⁴² Журнал исходящим бумагам канцелярии моск. генерал-губернатора графа Ростопчина, с июня по декабрь 1812 года. № 530// Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Часть 10. Москва, 1908. С. 177.
- ⁴³ Журнал исходящим бумагам канцелярии моск. генерал-губернатора графа Ростопчина, с июня по декабрь 1812 года. № 532// Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Часть 10. Москва, 1908. С. 178.
- ⁴⁴ Протокол французской военной комиссии. Судившей поджигателей, 24 сентября 1812 года...// Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Часть 1. Москва, 1897. С. 134.
- ⁴⁵ Журнал исходящим бумагам канцелярии моск. генерал-губернатора графа Ростопчина, с июня по декабрь 1812 года. № 479// Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Часть 10. Москва, 1908. С. 169.
- ⁴⁶ Донесение Обрескова императору Александру I. ВУА. Т. 21, с. 281.
- ⁴⁷ Письмо Ростопчина императору Александру I // Пожар Москвы. По воспоминаниям и переписке современников. Москва, 1911 г. Или: Наполеон в России глазами русских. Москва, Захаров, 2004.
- ⁴⁸ Протокол французской военной комиссии. Судившей поджигателей, 24 сентября 1812 года...// Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Часть 1. Москва, 1897. С. 134.

-
- ⁴⁹Капитан Бургоэн. Французы в России.1812 год. По воспоминаниям современников-иностранцев. Москва, 1912 г. Или: Наполеон в воспоминаниях иностранцев. Москва, Захаров, 2004.
- ⁵⁰ Капитан императорской гвардии Ван Бёкоп – отцу, Москва, 27 сентября 1812г. РГАДА. Д. 268. Л. 70-70 об или interceptees par les Russes Durant la campagne de 1812/ Publ. par S/E/M/ Goriainow. P. 1913. P. 50
- ⁵¹Бургонь. Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Лениздат, 1991. С. 219.
- ⁵² Письмо Ростопчина Багратиону // Пожар Москвы. По воспоминаниям и переписке современников. Москва, 1911 г. Или: Наполеон в России глазами русских. Москва, Захаров, 2004.
- ⁵³ Письмо Ростопчина императору Александру I.
- ⁵⁴ Письмо Ростопчина П.А. Толстому. 13. 9. Заря, 1871. VIII, с. 187-188. Или: К чести России. Из частной переписки 1812 года. Москва, Современник, 1988.
- ⁵⁵ А.А.Шаховской. Первые дни в сожженной Москве. Русская Старина, 1889. Т. LXIV, октябрь. С. 33.
- ⁵⁶А.А.Шаховской. Первые дни в сожженной Москве. Русская Старина, 1889. Т. LXIV, октябрь. С. 38 – 39.
- ⁵⁷ Записка Вороненко. ЦГВИА.Ф.ВУА. Д. 3465. Ч. 11./Л. 203/204
- ⁵⁸Русский Архив, 1868. С. 1431 – 1434.
- ⁵⁹ Боволье. Записки графа Боволье. Русская Старина, 1893. Т. LXXVII, январь. С. 17
- ⁶⁰ Кастеллан. Французы в России.1812 год. По воспоминаниям современников-иностранцев. Москва, 1912. Или: Наполеон в воспоминаниях иностранцев. Москва, Захаров, 2004.
- ⁶¹ Де Мальи-Нель. Французы в России.1812 год. По воспоминаниям современников-иностранцев. Москва, 1912 г. Или: Наполеон в воспоминаниях иностранцев. Москва, Захаров, 2004 г.
- ⁶² Лоссберг. Поход в Россию в 1812 году // Приложение к «Военно-Историческому Вестнику», 1912. Киев. С. 51 – 52.
- ⁶³Фоссен. Французы в России.1812 год. По воспоминаниям современников-иностранцев. Москва, 1912 г. Или: Наполеон в воспоминаниях иностранцев. Москва, Захаров, 2004.

---

⁶⁴ Комб. Французы в России. 1812 год. По воспоминаниям современников-иностранцев. Москва, 1912 г. Или: Наполеон в воспоминаниях иностранцев. Москва, Захаров, 2004.

⁶⁵ П. Носков. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Часть 8. Москва, 1904.

⁶⁶ А.А. Карфачевский. Копия с выписки из письма чиновника московского почтамта, Андрея Карфачевского, 6 ноября 1812 года // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Часть 5. Москва, 1900. С.165 – 167.

⁶⁷ О.Илларион. Письмо современника о вторжении французов в 1812 году в московский Симонов монастырь. Москва, 1863 г., с. 1-5. Или: К чести России. Из частной переписки 1812 года. Москва, Современник, 1988.

⁶⁸ПСЗРИ.Т. XI(№ 8162, № 8525), Т.ХII (№ 9183), Т.ХV(№ 10380).

⁶⁹Бранд. Французы в России.1812 год. По воспоминаниям современников-иностранцев. Москва, 1912 г. Или: Наполеон в воспоминаниях иностранцев. Москва, Захаров, 2004.

⁷⁰ П. Носков. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Часть 8. Москва, 1904.

⁷¹И.А.Тутолмин. Копия с выписки из донесения императрице, 11 ноября 1812 года // Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И.Щукиным. Часть 5. Москва, 1900. С. 151 – 155.

⁷²А.О. де Коленкур. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, Смядынь, 1991. С. 148.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. О колодниках, выпущенных из Временной Тюрмы перед вступлением в Москву французов:

а). Донесение смотрителя Временной Тюрмы Вельтмана в Московскую Управу Благочиния , 28 августа 1813 года.

На приказ оной Управы Благочиния от 21-гочисла сего Апреля, с приложением при оном реестра, присланнаго из Московского Надворного Суда 1-го Департамента, о содержащихся во Временной Тюрме колодниках, имею донести. Прошлаго 1812 года Сентября 2 числа, поехал я по утру с рапортом к г. Обер-Полицеймейстеру и кавалеру Петру Алексеевичу Ивашкину, но остался во Временной Тюрме по наряду тогда в карауле Стретинской части квартальный поручик Скрыбин, который попался мне возвратясь от г. Обер-Полицеймейстера уже встречу и ведущий караул со всем конвоем из оной Тюрмы по Мясницкой, против Банковской Конторы и сказывает мне, что прислан был по приказанию от Его Графского Сиятельства господина Главнокомандующаго адъютант Обресков, который выпустил при себе всех содержащихся из Временной Тюрмы колодников, то которые и содержались по оному суду, я не упомяну, когда уже было время весьма близкое ко вступлению неприятеля в Москву, желая спасти и хранящуюся при мне казенную сумму денег, жизнь семейства моего и себя, из Москвы уехал, и при отъезде таковом скором не имел уже времени захватить с собою регистра о содержащихся в Тюрме колодниках, но зближась ко исполнению приказа оной Управы Благочиния, я , сколько мог припомнить сам , и отобрать о том сведения от бывших в то время и ныне в содержании во Временной Тюрме колодников и комнатных старост , сделал повеленную мне отметку, кто, где содержался, которую при сем в Управу Благочиния представляю.

№ 85.

Смотритель Вельдман.

Апреля 28 дня

1813 года.

(Из реестра видно, что в Губернском Замке и во Временной Тюрме содержалось 173 человека, в том числе 26 женщин. Из мужчин большую часть составляли дворовые люди и крестьяне, несколько мещан, один купеческий сын, несколько дезертиров, несколько лиц чиновного звания , каковы:

Отставной корнет Петр Горинков. Отмечено : в яме.

Майор Делабот. В яме.

Коллежский Регистратор Петр Любавский . В яме.

В Замке:

Сын Губерн. Регистратора Яков Астольцов

Землемерный Помощник Семен Храпов

Отд. Чиновник 9-го класса Иван Сокольницкий

Кол.Регистратор Михаил Попов

Кол. Регистратор М. Пропилов

От. Титул. Советник Павел Молчанов
Иностранец Иоганн Гольц

Отставной вахмистр Семен Тихомиров. В яме.
Сверх того 20 человек евреев. В Замке. (20).

2. б) Отношение Московской Управы Благочиния в 1-й департамент Московского Надворного Суда, 6 июня 1813 года.
Сообщением оный Департамент от 25 истекшего Генваря требовал учинить выpravку о содержащихся по оному Департаменту в Губернском Замке и во временной Тюрме колодниках: в наличности ли они ныне находятся, или куда выбыли и по какому случаю, при чем и доставил о тех содержащихся колодниках реестр, на коем Управою с рапортов Губернского Замка и Временной Тюрмы смотрителей, отметки против каждого учинены и при сем обратно препровождается с уведомлением, что содержащиеся в Замке колодники, прошлаго 1812 года Сентября 2 числа, во время нашествия неприятеля, смотрителем того Замка сданы пришедшему, вновь сформированному, под командою майора Никельгорста, 10-му пехотному полку под расписку подпоручика Анисимова для вывода из Москвы. А куда, ему неизвестно; содержащиеся же во Временной Тюрме колодники, того ж 1812 года Сентября 2-го, по приказанию Его Сиятельства Г. Главнокомандующаго в Москве и кавалера, графа Федора Васильевича Ростопчина, адъютантом Обресковым все выпущены.
Июня 6 дня 1813 года.

3. Копия с дела об отправлении в Рязань колодников и арестантов из московского тюремного замка, 1812 года.
Отношение моск. гражд. губернатора Обрескова моск. обер-полицейм. Ивашкину, 1 сентября 1812 года.
Вследствие предписания Г. Главнокомандующаго в Москве о препровождении надлежащим порядком в Рязань за присмотром содержащихся в здешнем Тюремном Замке криминальных колодников, состоящих по здешним присутственным местам и за тяжкия преступления подпавших суду, губернский уголовных дел стряпчий рапортует мне, что по Замку содержатся за исключением по ордонанской части 529-ть, по части уголовной, следственной пересыльных и по секрету, в числе коих больных 80 человек, да во Временной Тюрме состоит по уголовной части пересыльных секретных и по долгам содержащихся 166 человек. И что из оных по долговым претензиям могут быть освобождены на росписки с обязательством - явиться по востребовании. По поводу чего я обращаюсь к Вашему Превосходительству, так как охранение и целость означенных арестантов состоят в зависимости Управы Благочиния, равно и суммы на продовольствие их следующие, учинить свое распоряжение об отправлении

их, на основании предписания Его Сиятельства, в Рязань, за конвоем, на каждые трёх человек одного рядового, состоящих в команде одного обер-офицера, который благоволил истребовать от здешняго Г.Коменданта, коему от меня о сем уже писано, продовольствие их в пути не благоугодно ли будет возложить на смотрителей как Временной Тюрьмы, так и Замка, отсылку же 101 человека, содержащихся по ордонанской части, предоставить Г.Коменданту, касательно же содержащихся за долги, кои по изъяснению Г.Стряпчего могут быть освобождены, не оставьте, Ваше Превосходительство, также сделать своего распоряжения, кто же таковы оные, по долгам содержащиеся, препровождаю доставленный ко мне от Стряпчего список, о принятии же арестантов от конвоя в Замке не оставляю я отнести к тамошнему Гражданскому Губернатору; по настоящим обстоятельствам нужно поспешить принятием на случай сей мер; о чем и буду ожидать Вашего уведомления.»

Рапорт смотрителя тюремного замка Иванова Ивашкину(московскому обер-полицеймейстеру – авт.), 13 сентября 1812 года.

Имею честь Вашему Превосходительству донести, что 1-го числа сего Сентября, в воскресенье, губернский уголовных дел стряпчий, надворный советник Евреинов, по приезде в Замок, объявил мне, что есть распоряжение начальства отправить из Замка и Временной Тюрьмы колодников в город Рязань, и того ж числа в ночи чрез частного пристава Муратова ещё извещён о том же, но когда и каким образом то исполнением учинить долженствовало, я сведения ни отколь не имел, и потому на другой день, то есть 2 числа, в понедельник, поутру часу в 6-м, за нужное почтя, ходил в квартиру Вашего Превосходительства, надеясь осведомиться о том и получить приказание, но нашел квартиру Вашего Превосходительства пустою и по слуху узнал, что Ваше Превосходительство Москву уже оставили, и так оставшись в изумлении, не зная к чему приступить, а паче что делать со врученную мне обязанностию, лишась всех способов к продовольствию, возвратился немедленно к своей обязанности ожидать откуда нибудь недоумению моему разрешения, между тем того ж утра в 11-м приехал к Замку плац-адъютант майор Кушнерев, объявил мне приказание сдать колодников, сколько их есть, имеющему придти полку. Который в скорости и приблизился, и я, сдав в оный, под росписку подпоручика Анисимова, счётом всего 627 человек, арестантов и колодников, за коими последовал и весь бывший в Замке караул, а я с малою бывшею у меня командою остался в Замке, слыша при том от означенного плац-адъютанта, что комендант с гарнизоном выступили из Москвы вон, и что в Москве никакой команды нет, в таком случае не зная, что предпринять, наконец решился оставить Замок и последовать всем выходом из Москвы вон. Почему в исходе 4-го часа пополудни с привратником, унтер-офицером Сергеем Ивановым, лекарским учеником Алексеем Макаровым и тремя заплечными мастерами, с семействами их всех и моим, отправился к Преображенской заставе, и достигая Покровского, услышали пушечные в городе выстрелы и народный противу нас крик. Принуждающий спастись из

Москвы уходом, по причине взошедших в Москву французских сил, при каком случае из числа помянутых трех заплочных мастеров, вновь поступивший Алексей Коренев неизвестно как в Москве отстал и где теперь находится, неизвестно, а с прочими прибыл я в город Александров, где по истощении способов следовать куда либо далее, прописанные вышеписанные со мною люди оставлены впредь до востребования в ведении тамошнего Городничего, а сам я отправился в город Юрьев и, по прибытии, в оном заболел, услышав же, что Ваше Превосходительство пребывание свое иметь изволите во Владимире, то учиненный сданным мною арестантам и колодникам список к сведению и на случай надобности куда либо к доставлению и за прошедшую, с 25-го Августа по 1-ое Сентября, неделю отчетную ведомость о съестных припасах и деньгах, равно и другую, перечневую о числе арестантов и колодников, при сем представить честь имею, с донесением при том, что из числа бывшей у меня команды остались в Замке Пятницкой части унтер-офицер Изот Андреев, рядовой Матюшин с семействами, и Лафертовской части пожарный служитель, староста церковный, Степан Алексеев, холостой.

Список Губернского Тюремного Замка содержащимся в оном колодникам. С показанием, кто по какому присутственному месту содержится.

По Губернскому Правлению – 71 человек, в том числе 7 женщин и 1 еврей.
По Казенной Палате – 1 человек.

Уголовной Палаты по 1-му Департаменту: 71 человек, в том числе 15 женщин. Из числа мужчин содержались по секрету крестьяне: Федот Федоров, Терентий Чаплыгин и коломенский купеческий сын Иван Епифанов; и две женщины купчихи: Аксинья Петрова и Прасковья Епифанова.

Той же Палаты по 2-му Департаменту : 12 человек, в том числе женщин 4.
Надворонного Суда 1-го Департамента: 138 человек, в том числе 30 женщин.
Евреи : 22 мужчины, 5 женщин и 10 детей.

Того ж Суда 2-го Департамента: 5 женщин, из коих одна турецкой нации.
Уездного Суда по 1-му Департаменту: 44 человека, из них 11 женщин.

Магистрата по 1-му Департаменту: 12 человек. в том числе одна женщина.
По Совестному Суду: 15 человек, из них 1 женщина .

По Управе Благочиния один мужчина и одна женщина.

Из Канцелярии Главнокомандующаго в Москве: четверо крестьян по секрету: Леонтий Никитин, Филат Анисимов, Никита Максимов и Дмитрий Федоров.

Доставленные в Замок.

От следственного пристава Яковлева: два человека и один секретный Егор Станиславов Бахчинский.

От обер-полицеймейстера: по секрету корнет Калинин.

Из полицейских частей: 6 человек мужчин.

Из Г.Могилева: 105 человек, в том числе 14 женщин.

По ордонас-гаузу: военные арестанты, 110 человек.

Итого 631 человек, из них четверо освобождены, а остальные сданы подпоручику, вышепоказанному Анисимову, для отправления в Рязань.

4. Председателем комиссии был назначен генерал граф Лауер (Lauer), главный судья Великой армии. В комиссию входили следующие господа:

Генерал барон Мишель (Michel), командир 1-го полка гренадер Старой гвардии.

Генерал барон Соние (Saunier), главный судья 1-го армейского корпуса(маршала Даву).

Полковник барон Боделен (Bodelin), командир полка фузилеров-гренадеров гвардии.

Генерал-адъютант кавалер Тери (They), комендант императорской квартиры.

Шеф эскадрона отборных жандармов Жаннин (Jeannin).

Генерал граф Монтион (Monthion), исполняющий функции императорского прокурора.

Шеф эскадрона Вебер (Weber), исполняющий функции докладчика.

Все эти чины были избраны в комиссию князем Невшательским (Бертье).

В помощники , на должность письмоводителя, был назначен унтер-офицер отборных жандармов Жуве де Гибер.

5. Император Александр — графу Ростопчину

«Вильно, 24 мая 1812 года

Необходимость соблюсти некоторое приличие по отношению к фельдмаршалу только и задержала Ваше назначение ему преемником. Я выразил ему желание, чтобы он приехал в Петербург заседать на Совете. Он отвечал мне, что он слишком стар и немощен, и просил уволить его в отставку. На это я изъявил свое согласие, и Ваше назначение состоялось тотчас. Я полагаюсь на Вас и вполне убежден, что Вы оправдаете мое доверие.

Я видел сегодня Вашего сына: он весьма красивый юноша и обещает, по-видимому, стать хорошим слугою отечества.

Перехожу теперь к предмету, для которого нужна вся Ваша скромность, так как в этом случае необходимо соблюдение величайшей тайны. Несколько

времени тому назад мне был прислан весьма искусный механик, с изобретением, которое может иметь самые важные последствия. Во Франции делались всевозможные попытки, чтобы добиться открытия, на которое, по видимому, удалось напасть этому человеку. Во всяком случае для того, чтобы удостовериться в этом, надлежит произвести все предлагаемые им опыты; самое дело бесспорно заслуживает того.

Так как этого человека пришлось отправить в Москву, то желая, чтобы о его работах решительно никто не знал, я не хотел вести это дело через посредство фельдмаршала, опасаясь, чтобы доктор тотчас не проведал о нем. По этой причине я отправил все нужное к губернатору Обрескову. Ныне я пишу ему, что так как с Вашим назначением нет более причины соблюдать тайну по отношению к генерал-губернатору, то я предписываю ему доставить Вам все бумаги, до этого дела касающиеся, которые находятся в его руках. Из этих бумаг Вы узнаете все обстоятельно. Дабы не посвящать в это дело третьего лица, я желаю, чтобы Вы вели это дело при посредстве Обрескова, которому уже все известно. Я требую также, чтобы упомянутое лицо не появлялось в Вашем доме и чтобы Вы виделись с ним в более укромном месте.

Поручаю его Вашему вниманию, прошу Вас оказать ему некоторое снисхождение и сделать все от Вас зависящее, чтобы облегчить ему выполнение его работы и устранить могущие возникнуть препятствия. Фельдъегерь, который вручит Вам это письмо, везет с собою 7 рабочих, приехавших вслед за механиком. Ему приказано оставить их за городом, до тех пор, пока, условившись обо всем с Обресковым и рассмотрев бумаги, Вы не укажете ему, куда он должен будет отвезти их.

Преданный Вам Александр».

6.

Император Александр – графу Ростопчину.

«С.-Петербург, 8 августа 1812 года

Я получил Ваши письма от 13-го, 25-го и 26-го числа истекшего месяца. Объявленный набор рекрут уравнивает повинности государственных и помещичьих крестьян, и я надеюсь, всеми будет признано, что первым из них представлена мною не более легкая доля, так как они поступают на действительную службу, и на всю жизнь.

Я счел полезным назначить генерала Кутузова главнокомандующим всех войск; надеюсь, что это создаст более единства в военных действиях, нежели замечалось до сих пор, вследствие личных несогласий, существовавших между генералами.

Как только Липих будет готов, составьте для его ладьи экипаж из людей

надежных и известите об этом генерала Кутузова, с курьером. Я уже уведомил его об этом деле. Внушите, пожалуйста, Липиху, чтобы он был весьма осторожен в выборе места, куда он спустится первый раз, чтобы не ошибиться и не попасть в руки неприятеля. Ему необходимо сообразовать свои движения с действиями главнокомандующего, поэтому, прежде нежели приступить к опытам, ему необходимо отправиться в главную квартиру и условиться с главнокомандующим. Скажите ему также, чтобы, спустившись на землю, он озаботился всякий раз поднимать свой шар, держа его на привязи с помощью каната, для того чтобы его не окружали и не рассматривали любопытные из военных, среди которых легко может быть несколько неприятельских шпионов.

Меня задержали, в Петербурге восемь дней долее, нежели я предполагал, так как наследный принц шведский, с которым я должен иметь свидание, не мог к этому времени закрыть сейм. Я уезжаю сегодня и тотчас по возвращении намереваюсь посетить Вас. Заботьтесь, насколько возможно, о вооружении и сосредоточении вооруженных сил. Всякая минута дорога.

Преданный Вам Александр».

7.

Граф Ростопчин императору Александру, Москва, 11 июля 1812 года:

«Я видел Липиха; это человек весьма искусный и опытный механик. Он рассеял мои сомнения насчет пружин, приводящих в движение крылья того поистине адского снаряда, который мог бы нанести, со временем, более вреда человеческому роду, нежели сам Наполеон, если бы постройка шара обходилась дешевле. Липих всепокорно просит Ваше Императорское Величество повелеть разыскать несколько ящиков, отправленных в Вильно, вслед за рабочими, коих он выписал. В этих ящиках находятся шерстяные шнурки и тесьмы, которые, по его словам, ему будет трудно заменить здешними. Так как совершенно невысказимо держать в тайне, в продолжение четырех месяцев, существование заведения, в котором 60 рабочих будут заниматься своим делом в семи верстах от города, то мы условились с г-ном Обресковым, что он заключит, под чужим именем, с г-ном Липихом условие, в силу которого последний обязуется изготовить для него множество моделей различных земледельческих орудий, которые должны быть готовы к новому году. Это удовлетворит любопытство в том случае, ежели бы оно было возбуждено каким-нибудь непредвиденным обстоятельством. Мне пришла одна мысль, которую я повергаю на усмотрение Вашего Императорского Величества: когда снаряд будет готов, Липих хочет отправиться с ним в Вильно. Можно ли быть настолько уверенным в этом человеке, чтобы не допустить возможности измены с его стороны и чтобы это изобретение не обратилось на пользу Ваших врагов?»

«8 сентября [1812].

Деревня Кутузова
по Тульской дороге в 34 верстах от Москвы

<...> Отдача Москвы французам поразила умы. Солдаты предались унынию. В самом деле, странно, каким образом, после столь постыдного, три месяца длившегося отступления, столицей Вашею овладел доведенный до крайности неприятель. <...> Генералы в бешенстве, а офицеры громко говорят, что стыдно носить мундир. Солдаты уже не составляют армии. Это орда разбойников, и они грабят на глазах своего начальства. <...> Разстреливать невозможно: нельзя же казнить смертью по несколько тысяч человек на день? Всюду каверзы. Бенигсен добивается главного начальства. Он только и делает, что отыскивает позиции в то время, когда армия в походе. Он хвастает тем, что один говорил против оставления Москвы и хочет выпустить о том печатную реляцию. <...> Барклай подал голос за оставление Москвы неприятелю, и тем, может быть, хотел заставить забыть, что, благодаря его поспешности, - погиб Смоленск. Князя Кутузова больше нет - никто его не видит; он все лежит и много спит. Солдат презирает его и ненавидит его. Он ни на что не решается; молоденькая девочка, одетая казаком, много занимает его. Покинув Москву, он направился на Коломенскую дорогу, чтобы прервать сообщение неприятеля с Смоленском и воспользоваться запасами, накопленными в Калуге и Орле. Он даже думает дать сражение, но никак не решится на него. Довод у него тот, что надо сберегать армию; но если она должна все отступать, то он скоро ее лишится. Я держусь мнения, что Бонапарт уйдет от него в то время, как он всего менее будет ожидать того.

Все делают Кайсаров и Кудашев, они распорядители судьбы Вашей и судьбы Империи. Так как распространено мнение, что Кутузов действует по Вашим приказаниям, и так как объявленная им самим сдача Москвы без сражения поразила всех ужасом, то было бы необходимо, для предотвращения мятежа, отозвать и наказать этого старого болвана и царедворца. Иначе произойдут неисчислимыя бедствия. <...>

Я в армии, смерть у меня в душе. Вижу войско в беспорядке, крестьян разоренных, сообщения прерванные; нет начальника и никого, кто бы его заменил. Вот другой раз общественное мнение обманулось в своем выборе. Каменский рехнулся, а Кутузов, старая баба-сплетница, потерял голову и думает что-нибудь сделать, ничего не делая.

Вашего Величества всепреданнейший граф Ростопчин ».

письмо графу П.А.Толстому, написанное из Пахры 13 сентября 1812 года: «Сколь ни тяжело мне писать к вам, почтенный граф, но я хочу известить вас о предании Москвы и о бедственном положении армии нашей. Князь Кутузов обещал мне в десяти письмах, что он Москву защищать будет и что с судьбою сего города сопряжена судьба и России, [и] дал 26-го при Бородине баталию. Бонапарт атаковал всю нашу позицию с 5 часов утра до 7 часов вечера и был отбит так, что обозы отправились назад. Мы потеряли убитыми и ранеными 17 генералов, до 20 тысяч рядовых и на другой день 10 тысяч мародеров. Неприятелю этот день стоит близ 30 тысяч убитых и раненых, 29 генералов, по их письмам, *mis hors de comptant*. Мы у них взяли 10 пушек, они у нас - 18. С сим известием отправлен курьер в Петербург с места сражения, и Кутузов - фельдмаршал. Мы остались на месте, но ночью пошли назад. Бенигсен искал новых позиций и привел армию на Поклонную гору. Тут я виделся с Кутузовым, который повторил мне, что он дает баталию. Я возвратился в город и занимался ранеными, коих число в беспорядке пришедших было до 28 000 человек и при них - несколько тысяч здоровых. Это шло разбивать кабаки (в них вина уже не было) и красть по домам. В 8 часов вечера я получил от Кутузова письмо следующего содержания:

«Получа достоверное известие, что неприятель отрядил два корпуса по 20 тысяч на Боровскую и Звенигородскую дорогу, и находя позицию мою недовольно выгодною, с крайним прискорбием решился оставить Москву. Прошу вас прислать мне скорее проводников - вести войска чрез Калужскую и Драгомиловскую заставы во Владимирскую и Коломенскую».

Тут мне оставалось вот еще что сделать. Важное, нужное и драгоценное все уже отправлено было, но должно было потопить оставшийся порох 6 000 пуд, выпустить в магазине 730 000 ведер вина, отправить пожарные, полицейские и прочие команды, гарнизонный полк и еще два, пришедшие к 6 часам утра. Все сие сделано было. Войска наши вышли в беспорядке, и если бы злодей послал три полка кавалерии, то бы вся артиллерия ему досталась. Мюрат шел по Арбату, и мужик, выстрелив по нем из окна, ранил [какого-то] полковника. Ввечеру загорелись лавки и лабазы близ Кремля. На другой день во многих местах загорелся город и при сильном ветре, продолжаясь три дня, огонь истребил 5/6 частей города. Церкви разграблены, и в соборе стоит эскадрон кавалерии. Что Кутузов не хотел защищать Москвы, сему доказательство то, что 29-го послано повеление отправить провиант во Владимир, а Бонапарт накануне своего входа отдал [распоряжение] в приказе, какому полку быть на карауле. Теперь, пройдя четыре дороги поперек, мы стали на старой Кулужской в 35 верстах, ничего не делаем, не знаем, что и неприятель делает, а одна лишь партия в 1200 человек на Можайской дороге взяла в 36 часов 1300 человек пленными, курьера и два транспорта из Смоленска. В письмах из армии неприятельской, захваченных с курьером, все говорят, что грабежу не было, что все вывезено, вина нет и

провианта лишь на 8 дней. Кутузова никто не видит. Кайсаров за него подписывает, а Кудашев всем распоряжает. Бенигсен надеется быть главнокомандующим. Барклай советовал оставить Москву, чтобы спасти армию, полагая, что сим загладит потерю Смоленска. Армия в летних панталонах, измучена, без духа и вся в грабеже. В глазах генералов жгут и разбивают [дома] офицеры с солдатами. Вчера два преображенца грабили церковь. По 5 000 человек в день расстреливать невозможно. Регулярного войска из Калуги и от Лобанова прибыло до 27 000 человек. Мы стоим, что будет - никто не знает. Настоящее бедственно, но будущее ужасно, хотя неприятель и должен здесь погибнуть и не выйти из России.

Вам преданный граф Ф. Ростопчин ».